

– Ну что ж, – говорит король, – в еде и питье у тебя не будет недостатка, я не отказываю в этом ни другу, ни врагу. Но я хочу знать твое имя.

– Сэр, того оказать я не могу.

– Чудесное дело, – сказал король, – чтобы ты не знал собственно! о имени. А ведь ты прекраснейший из юношей, каких я когда-либо видел.

И король поручил его сэру Кэю-Сенешалю, повелев, чтобы его кормили и поили лучшими яствами и винами и чтобы все у него было в избытке, как если был бы он сын лорда.

– Вот уж была нужда так на него тратиться, – сказал себе сэр Кэй. – Ведь могу поручиться; он мужичьего роду и не получится из него рыцаря, ибо будь он рожден лордом, он бы попросил коня и доспехи, он же каков есть, такова и просьба его. А раз нет у него имени, дам ему дам имя: будет он зваться Бомейн, что значит Прекрасные Руки. И определю его я на кухню, и там будет он кормиться каждый день жирной похлебкой, так что к исходу двенадцатого месяца окажется он жирен, как боров в свинарнике.

2

А те двое тут же и уехали и оставили юношу на попечении сэра Кэя, который всячески над ним издевался и насмехался. Разгневался на сэра Кэя за то сэр Гавейн. А всех больше – сэр Ланселот, он велел сэру Кэю оставить издевки.

– Ибо головой могу поручиться: он еще покажет себя мужем славным и доблестным.

– Увидим, – отвечал сэр Кэй, – да только едва ли, ведь каков он сам, такова и просьба его была.

– Смотрите, – сказал ему сэр Ланселот, – вот вы дали славному рыцарю Брюнору, Динаданову брату, прозвище Худая Одежка – и сами же за то потом поплатились.

– Ну, что до него, – отвечал сэр Кэй, – то этим вашу правоту не докажешь. Ведь сэр Брюнор всегда мечтал о чести и славе, а этот – лишь о хлебе, да о питье, да о жирной похлебке. Готов жизнью поручиться, он вырос при каком-нибудь монастыре, где не видели вдоволь ни еды, ни питья, вот он и явился сюда на прокормление.

И велел ему сэр Кэй отыскать себе место за столом и садиться есть. И Бомейн Прекрасные Руки пошел к дверям залы, сел среди мальчиков и прислуги и ел свой обед в печали. Сэр Ланселот после обеда звал его в свой покой, дабы там накормить и напоить его вдоволь, приглашал его и сэр Гавейн. Но он ни за что не соглашался, ибо желал поступать только так, как приказывал ему сэр Кэй.

Что до сэра Гавейна, то он не зря предлагал ему гостеприимство, а по велению крови, ибо юноша приходился ему близким родичем, хоть он того и не знал. Сэром же Ланселотом руководила лишь любезность его и великое благородство.

И был юноша отправлен на кухню и спал по ночам с кухонными мужиками. Так прожил он целый год и ни разу не обидел ни взрослого, ни ребенка, ко всем являя кротость и покорство. Но всякий раз, как устраивали рыцари поединок, если только мог, непременно шел он смотреть. А сэр Ланселот предлагал ему золото на расходы и дарил платье, и сэр Гавейн тоже. И когда бывали там игрища и состязания, он на них являлся неизменно и кидал бревна и камни на два ярда далее самых искусных своих соперников. Сэр же Кэй тогда приговаривал:

– Ну, каков мой кухонный мужик? Так шло все до самой Троицы, а в тот день король устроил праздник в Карлионе, и такого богатого праздника нигде не бывало, только у Артура раз в году. Но снова король не сажался за пиршественный стол, покуда не услышит о каком-нибудь приключении.

Вот прибежал к королю паж и говорит:

– Сэр, вы можете садиться за стол, ибо сюда едет какая-то девица, уж она-то, наверно, поведает о чудесных вещах.

Король обрадовался и сел за стол.

И тут вошла в залу девица, поклонилась королю и просит у него заступничества.

– За кого же мне заступиться? – спрашивает король. – Поведайте нам об этом приключении.

– Сэр, – сказала она, – есть у меня сестра, благороднейшая дама, и ее утесняет тиран, так что она не осмеливается выйти из замка. И как у вас тут собралось, говорят, все славнейшее в свете рыцарство, я сюда и явилась за заступничеством.